

Соломаха Елена Николаевна

канд. ист. наук, доцент

Андрянова Наталья Владимировна

студентка

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского»

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

DOI 10.21661/r-461605

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

***Аннотация:** статья освещает один из периодов в истории исторической науки и партийного вмешательства в науку. Речь идет об одной из наиболее заметных политических кампаний в конце 40-х гг. XX века и о судьбах некоторых представителей исторической науки, вовлеченных в нее.*

***Ключевые слова:** кампания по борьбе с космополитизмом, Н.Л. Рубинштейн, М.Н. Тихомиров, О. Ваништейн, И.И. Минц, ссылка, отстранение от преподавательской деятельности, партийное влияние на науку.*

В послевоенные годы усилилось идеологическое давление власти на интеллигенцию. Об этом свидетельствуют многочисленные факты наступления на представителей сферы искусства и литературы, на ученых разных отраслей знания и на ученых-гуманитариев [1; 7]. Особенно яркой стала кампания по борьбе с космополитизмом. Ее началом на историческом фронте послужило обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Судьба этого историка может служить иллюстрацией линии взаимоотношений власти и научной интеллигенции сер. XX в.

Н.Л. Рубинштейн более других подходил для того, чтобы его творчество стало предметом специального обсуждения в русле указанной кампании. Во-первых, на страницах этой работы нашел отражение тезис автора, что отечественная

культура – часть мировой (и воспринимающая и обогащающая ее), марксизм тоже относится к сфере мировой культуры. Во-вторых, положительное отношение Н.Л. Рубинштейна к труду дореволюционных историков и их учеников (выступление против книги совпало с начатой вновь пропагандой негативного отношения к творчеству русских историков начала XX в.). Можно было исходить и из того, что книга, вышедшая в начале войны, не стала предметом серьезных дискуссий, широкое обсуждение труда началось в 1948 г., в иной идеологической и историографической обстановке. Кроме того, ориентировка на критику его труда была дана еще в 1944 г. на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) [2, с. 70–71].

Вскоре в «Вопросах истории» Н.Л. Рубинштейн сам, сопоставляя различные варианты изложения материала своей книги, в свете повышенных требований ЦК ВКП (б) к идеологической работе, выражал готовность исправить недостатки [3, с. 89–93]. В этом же номере была напечатана статья – рецензия М.Н. Тихомирова [4, с. 94–99]. Как верно отметил С.О. Шмидт, редколлегия журнала, открыв дискуссию статьей опального автора, хотела продемонстрировать новаторство в реализации схем подобных обсуждений и, возможно, смягчить удар и по Рубинштейну, и по исторической науке в целом [5, с. 216]. Однако, редколлегия в 1949 г. за неумение реагировать на запросы общественной жизни, вовремя выявлять космополитов была заменена новой. Волна критической кампании только нарастала.

Обвинения и замечания, предъявленные Н.Л. Рубинштейну на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами и в печати 1948–49 гг., были повторены в 1949 г. в стенах различных научных заведений. Уже февраль не был для ученого спокойным (сессия в институте истории, партсобрание истфака МГУ). Над итогами партсобраний размышляет в дневниковых записях историк С.С. Дмитриев: «Главная опасность – «школа Минца» (Минц, Городецкий, Разгон, Генкина – она проявление антипатриотизма в исторической науке). На втором месте – Рубинштейн с его «Историографией»... В отношении первых речь едва ли пойдет об удалении с истфака. Для Рубинштейна дело может закончиться исключением

из партии» [6, с. 145]. На расширенном объединенном заседании кафедр истории СССР, истории международных отношений, всеобщей истории «выступавшие без устали разоблачали враждебную сущность...О.Л. Вайнштейна, Г.А. Деборина, А.И. Деборина, В. Лана, И.И. Минца, Н.Л. Рубинштейна, И.М. Разгона» [7, с. 313]. В конце марта список критикуемых расширился – Е.А. Косминский, А.И. Неусыхин, В.М. Лавровский, Б.Т. Горянов, М.Н. Тихомиров, С.С. Дмитриев.

В апреле 1949г. Рубинштейн был уволен из МГУ, а до этого исключен из состава ученого совета. В Историческом музее заявление об увольнении подал сам.

О степени давления свидетельствует эпизод обсуждения вопроса о космополитах в Ивановском педагогическом институте, который также приводится в дневниковых записях Дмитриева: «После заседания (имеется в виду заседание Ученого совета по космополитизму в МГУ 28 марта 1949 г.) услышал, что в Иванове покончила жизнь самоубийством Нина Разумовская. Громили Рубинштейна за историографию. Разумовская вступилась. Тогда ее так «проработали» всем собранием во главе с И.И. Мордвишиным (воображаю, что при этом было сказано в Иванове и как, что в Москве, в университете кричали о троцкизме, вражеской, подпольной работе группы Минца и иже с ними, разумея под последними кого угодно и не обременяя себя доказательствами, что придя домой, она перекинула через двери ремешок и повесилась» [6, с. 149].

«Разоблаченные космополиты» были переведены на работу в отдаленные районы страны (Разгон – в Томск, Гуревич и Звавич – в Среднюю Азию) или же уволены. Однако, И.И. Минц, освобожденный от руководства секретариатом главной редакции «Истории гражданской войны» и других должностей, был определен заведующим кафедрой в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1949 г. Рубинштейн был принят на работу в Московский библиотечный институт. Возможно, на столь скорое трудоустройство могло повлиять письмо Рубинштейна к министру высшего образования С.В. Кафтанову по во-

просу' отстранения ученого от преподавания в МГУ за «антипатриотическую деятельность, враждебную советской науке». Рубинштейн писал: «Я решительно отвожу от себя столь тяжкое обвинение, ибо всю свою жизнь на научном поприще посвятил служению Родине. Без научной и преподавательской деятельности я не мыслю себе существования» [8].

Рассмотренные данные кампании по борьбе с космополитизмом позволяют сделать вывод о взаимоотношениях общества и власти сер. XX в. Политические кампании санкционировались властью с целью привести к единому знаменателю избранной партийной линии (внутренняя политика) научную интеллигенцию. В послевоенные годы власть ограничилась лишь высылкой из научных центров страны и увольнением. Но в памяти людей были 30-е годы. Отработанный ранее механизм партийного давления действовал.

Список литературы

1. Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы 1945–1955 / А.С. Барсенков. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 139 с.
2. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Вопросы истории. – 1996. – №7. – С. 70–71.
3. Рубинштейн Н.Л. Основные проблемы построения русской историографии / Н.Л. Рубинштейн // Вопросы истории. – 1948. – №2. – С. 89–93.
4. Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII века / М.Н. Тихомиров // Вопросы истории. – 1948. – №2. – С. 94–99.
5. Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна / С.О. Шмидт // Археологический ежегодник за 1998. – М.: Наука, 1999. – С. 202–227.
6. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / С.С. Дмитриев // Отечественная история. – 1999. – №3 – С. 142–165.
7. Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы / Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 1999. – 453 с.
8. НИОР РГБ Ф. 521. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10. Письмо к министру высшего образования С.В. Кафтанову.